

УДК 808

DOI: 10.47928/1726-9946-2020-20-4-74-78

Понятие речевого поведения в теоретическом аспекте

Хуако Ф.Н. – академик АМАН

Сегодняшняя наука о языке отличается принципами антропоцентризма, сутью коих выступает индивид, и в роли субъекта, и в роли объекта изучения. Речевое поведение (РП) такого индивида есть усложненный механизм. Он обусловлен спецификой происхождения, обучения и атмосферой бытия человека. Подчеркивая существенную долю антропоцентризма при этом еще академик советской лингвистической науки Ю.Д. Апресян, говоря о языке, отмечал: «Громадная часть его словаря посвящена человеку – его внутреннему миру, восприятию внешнего мира, физической и интеллектуальной деятельности, его целям, отношениям с другими людьми, общению с ними, оценкам событий, положений и обстоятельств» [1, с. 213]. Такой тезис поддерживался многими учеными и впоследствии. Причем срабатывает он при рассмотрении не только узко ограниченных языковых групп, но применяется и к иностранным. Так, к примеру, опираются на такой подход в одной из недавних работ («Лексические средства репрезентации взаимодействия эмоций и природы в произведении Ф. Бернетт «The secret garden») современные соавторы В.И. Дружинина и Г.Ю. Мерзликина (Воронеж, 2014).

Подобное конструкторологическое явление определяется всеми, присущими человеку, как персональными, так и социальными (в т.ч. национальными) качествами. На сегодняшний день в языкознании речевое поведение обладает всевозможными трактовками и объяснениями. Так, в частности, признанный отечественный лингвист 90-х гг. Т.Г. Винокур определяет его так: «речевое поведение – это не столько часть поведения вообще, сколько образ человека, состоящий из способов использования им языка применительно к реальным обстоятельствам его жизни. <...> Каждое использование языка – это своего рода поведение, которое имеет место в определенном социальном контексте и требует подчинения другим, а не только правилам, относящимся к компетенции языка и т. п.» [2, с. 16]. На протяжении того же периода 90-х гг. XX в. учебные пособия предлагали аналогичное определение, по сути синонимичное предыдущему, также определяемое окружением. Так, по словам активного исследователя речевого поведения сегодня И.А. Стернина, который впервые ввел понятие «коммуникативного поведения», «это речевые поступки индивидуумов в предлагаемых обстоятельствах, отражающих специфику языкового существования данного говорящего коллектива в данном общественном устройстве» [3, с. 138]. Речь в большинстве терминов чаще обозначается как конкретное выражение некоторой сущности, обозначаемой здесь как язык.

Исследователи и методисты уже нового века также прослеживают в данном виде каждодневной деятельности отражение социального бытия индивида. Так, И.А. Зимняя находит в нем следующий механизм: «В настоящее время понятие «речевое поведение» в науке имеет различные интерпретации и толкования: речевое поведение – специфическая и неотъемлемая часть поведения в целом как сложной системы поступков, действий, движений. Речевое поведение есть форма социального бытия человека, в нем проявляется вся совокупность речевых действий и речевой деятельности человека» [4, с. 56].

Однако здесь допустимо задаться вопросом: «Почему бытия социального, что выдает условный противовес бытию индивидуальному? Второе разве не предполагает речевого поведения в его всевозможных проявлениях?». И тогда больше согласимся с другой формулировкой данного явления в интерпретации московского ученого В.И. Карасика: «речевое поведение – осознанная и неосознанная система поступков, раскрывающих характер и образ жизни человека» [5, с. 8].

Мы бы сказали так: «речевое поведение есть своеобразная языковая реакция личности (с привлечением и мышления, и организма) на окружающую систему, постоянно проявляющуюся в лицах: и государства, и соседа, и коллеги, и родного, и любимого, и друга, и т.д.». То есть на языково-речевом пространстве имеет место быть немалое число всевозможных взаимовлияющих концептов. На сегодняшний день имеется немало научных трудов, авторы которых занимаются рассмотрением вопросов концепта. Уже упоминавшийся выше И.А. Стернин в соавторстве с З.Д. Поповой отмечают, что, «рассмотрев всю совокупность языковых средств выражения концепта, а также тексты, в которых раскрывается содержание концепта, мы можем получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка» [6, с. 96].

Однако авторы при этом делают весьма убедительную оговорку. Такое впечатление может быть только некоторой концептуальной деталью, поскольку концепт не способен воспроизводиться в речи целиком по следующим, указанным З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, причинам. Являясь неким продуктом личностного восприятия действительности, ее анализа и систематизации, концепт как отражение персональных склонностей индивида неизменно нуждается в полном инструментальном наборе для своего воссоздания. Второй причиной З.Д. Попова и И.А. Стернин видят в том, что концепт по сути выступает несколько размытой конструкцией, которая не всегда способна проявиться в едином и целом комплексе. И третьим доводом в этом случае вышецитируемые ученые видят закон элементарной «технической опечатки», допуская обязательную возможность расположения некоторой части репрезентуемого языкового и речевого материала где-то «за бортом» научной мысли, вне поля наблюдения и вне исследовательского отчета.

Речевое поведение личности, несмотря на множественность понятийных толкований и интерпретаций, считается всеми значительным, практически судьбоносным в обществе признаком. Носитель языка, обретающий свой концепт в социуме, практически не задумывается о том, что любая произведенная им языковая единица, озвученная или зафиксированная письменно, выступает определенным допуском к выстраиванию стратегии его дальнейшего жизнеустройства.

Современное языкознание видит речь и язык понятиями скрещивающимися, а термины, обозначающие такие явления, – активные и взаимно влияющие. Такое взаимодействие устраивается нормой, степенью насыщенности рядового речевого образа (и мыслей, и действий) согласованным в текущем социуме с поведенческими манерами, этическими нормативами и канонами. Следовательно, совокупными нормами коммуникации и определенным личностным статусом индивида обусловлена именно культура РП. Одновременно налицо и то, что РП-культура напрямую скована со всей манерой присутственного поведения в обществе, которая, в свою очередь, ощутима и во внешности человека (стиль, костюм, головной убор и др.), и в его способе передвигаться (поступь, привычка стоять,

сидеть перед публикой).

Такое, признававшееся идеологически адекватным, постижение данных тенденций представлялось советскими учеными (Н.И. Формановская, Ю.А. Сорокин, В.И. Карасик, А.М. Шахнарович, Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин, Е.В. Тарасов и проч.) логически выдержанным. Аналогичным оно сохраняется и по сегодняшний день. Иначе говоря, культура речевого поведения являет собой виток культуры индивида (как общей, так и поведенческой), соизмеряемый с его личностью, внутренними понятиями, воспитанностью и образованностью. К сегодняшнему моменту в обществе незавершенным для ученых сохраняется речевое поведение в его этнических рамках, в частности, особенности его проявлений на многонациональных территориях. Здесь культура речевого поведения выступает в функциональной роли многогранного механизма. Основываясь на данной многогранности, целью текущей работы мы делаем обнаружение и очерчивание моделей речевого поведения адыгов как одного из кавказских народов, а также установление своеобразия их восприятия другими языковыми носителями. Процедуры представления таких элементов отнюдь не демонстрируют уровень их значимости. Поэтому в наше время в научных трудах все интенсивнее прослеживается склонность к так называемому «приземлению» этих явлений с просмотром в их числе разговорной стилистики, что находимо и в дореволюционной (М. Лермонтов), и в советской (В. Астафьев, В. Белов, В. Распутин и др.) литературе.

Итак, все вышеприведенное демонстрирует культуру речевого поведения в качестве многогранного и разностороннего механизма, любая из граней которого имеет возможность выступить объектом осмысления. На основании этого обратимся далее к структуре речевого поведения. Общепринятым считается суждение о том, что по признакам речевого поведения вполне допустимо вычислить общественную отнесенность носителя языка. По мнению сегодняшнего белорусского ученого Н.С. Пашук, «Речевое поведение – проявление поведения в словесной форме, состоящее из: 1) фраз; 2) интонаций; 3) внутреннего подтекста» [7, с. 12]. Отечественный исследователь нашего времени А.В. Соколов рассматривает поведение в ходе общения в виде комплекса нормативов, тематически и структурно соединенных при конкретных обстоятельствах. На его взгляд, компонентами акта общения выступают: «1) речевые этикетные формулы и ситуации их употребления; 2) принятые в определенных ситуациях темы общения; 3) продолжительность общения; 4) соблюдение временных рамок коммуникации; 5) интервалы общения различных групп людей; 6) частота общения определенных групп людей; 7) приоритеты общения различных коммуникативных групп и т.п.» [8, с. 139]. Помимо этого интонационные и звуковые привычки, присущие речи индивида, применяются далеко не осмысленно, скорее, – механически, что нельзя сказать непосредственно о лексической единице, отбираемой порой весьма тщательно. И потому личная фиксация акустического воспроизведения произносимого в рядовой среде преимущественно упускается и не контролируется.

Непосредственно речевая коммуникация выступает осязаемым активистом в ходе индивидуального формирования члена общества. Речевое поведение при этом в общем выступает показателем имеющейся у него интеллектуальной насыщенности, ее свойств и качеств, поведенческих стимулов, направлений экспрессии. В случае когда человек сумел бы контролировать собственное звуковое произнесение, возникла бы опасность пе-

реключения внимания с сути на аудио- форму. Это может нарушить коммуникационный акт, повредить и даже прервать его. Речь выступает значительным поведенческим источником в ходе анализа лицевых оттенков настроения, просматривающихся в своеобразной фильтрации лексики и в точечных стилевых нюансах. Речевое поведение при этом являет собой ощутимую эмоциональную особенность речи. В частности, нередко с целью демонстрации языкового воспроизведения концепта привлекается конкретная вариация сегодняшней лингвистики, которая обозначается как «речевое портретирование» (Крысин Л.П., Санников В.З., Поливанов Е.Д. и др.). В этом случае посредством отслеживания речевого поведения различных социальных групп происходят попытки воспроизведения присущих им языковых механизмов.

Экспрессия убедительно исполняет серьезную миссию в деятельностной среде индивида, поскольку является значимым компонентом процесса восприятия и осмысления реалий. И непосредственно в ходе коммуникативных актов (проявляющихся, чаще, в диалогах) люди способны (и намеренно, и случайно) погрузиться в эмотивную среду реципиента с последующим выстраиванием столь необходимой обратной связи. Благодаря этому очерчивается карта-схема такого акта и высвечиваются языковые послылы, удачно либо неудачно задействованные при этом. Когнитивный доступ к исследованию эмотивности, раскрытый в наше время О.Е. Филимоновой, подразумевал рассмотрение взаимовлияния всевозможных экспрессивных подтекстов в языковом продукте, что дало возможность несколько нетрадиционно посмотреть на эмотивность в ее реализации. Отечественный исследователь В.И. Шаховский по этому поводу считает: «...во многих языках эмотивов с отрицательной оценочной семантикой в количественном отношении больше, чем эмотивов с положительной оценкой, но употребляются они, предположительно, при общении значительно реже, чем положительно оценочные эмотивные знаки. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональные системы разных народов и культур, в основном, похожи: негативность, превалируя в их лексиконе, уступает позитивности в употреблении и синтагматическом комбинировании, что объясняется психологическим стремлением человечества к позитивности» [9].

Однако есть здесь и свой нюанс. Немалую роль на фоне этой специфики играет и территориальное происхождение человека. Этнический шаблон в речевом поведении есть некая вариация шаблона, принятого в обществе. Он дает обширное изображение души и тела носителей различных языков, представляя их друг другу посредством личностной оболочки и сопровождающей ее периферии. Первую из названных допустимо считать сферой возможного последующего прогресса, опираясь на то, какие приоритеты человек предпочитает, в каких богов верит и какие правды ищет, то есть – к какому этносу принадлежит. А такой исследовательский виток позволяет склониться к немалым перспективам в указанном направлении, – именно к детальному рассмотрению этнических перспектив столь тщательно изученного в науке общего понятия «речевое поведение».

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. 512 с.

2. *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
3. *Чеботникова Т.А.* Речевое поведение как один из способов актуализации личности // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 28 (243). Филология и искусствоведение. Вып. 59. С. 138-143.
4. *Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. – М.: Московский психологический социальный институт; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001. 432 с.
5. *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гносиз, 2004.
6. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001. С. 96-97.
7. *Пашук Н.С.* Психология речи. Мн.: МИУ, 2010. 137 с.
8. *Соколов А.В.* Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. Санкт-Петербург: изд-во Михайлова В.А., 2002. 461 с.
9. *Шаховский В.И.* Что такое лингвистика эмоций // Мир лингвистики и коммуникации. 2008. № 3 (12) <http://tverlingua.ru/>
10. *Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. S. 279-282.

ABSTRACT

The presented work is aimed at the theoretical consideration of the mandatory concept of «speech behavior» in science, with a request for a review of existing opinions and possible clarification of terms. Bringing the judgments of both Soviet and modern linguists, F.N. Khuako brings the line of reasoning to the conclusion of its own required definition. Then, based on it and on the opinions of other scientists, it considers variations in the manifestation of speech behavior in modern society on an emotional basis. This tactic allows you to mention the multi-ethnic modern society, due to what appears necessary to address the question in specific as in the Caucasus and Adyge language environment.

Keywords: speech behavior, language, individual, society, emotion, communication.

Maikop state technological university, Maikop;

E-mail: Fatimah2@mail.ru

© F.N. Khuako, 2020

АННОТАЦИЯ

Представленная работа направлена на теоретическое рассмотрение обязательного в науке понятия «речевое поведение» с заявкой на обзор имеющихся мнений и возможное уточнение терминов. Приводя суждения и советских, и современных лингвистов, Ф.Н. Хуако подводит линию рассуждений к выведению собственного требуемого определения. Затем, базируясь на нем и на мнениях других ученых, рассматривает вариации проявления речевого поведения в современном обществе на эмотивной основе. Такая тактика позволяет упомянуть и многонациональность современного социума, вследствие чего выводится необходимость рассмотрения вопроса уже на конкретной как в кавказской, так и в адыгской языковой среде.

Ключевые слова: речевое поведение, язык, индивид, социум, эмоция, коммуникация.

Майкопский государственный технологический университет, Майкоп;

E-mail: Fatimah2@mail.ru

© Ф.Н. Хуако, 2020